

**А. Писемский**

**Тысяча душ**

**Том 2**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 93  
ББК 63.3  
А11

А11 **А. Писемский**  
Тысяча душ: Том 2 / А. Писемский – М.: Книга по Требованию, 2021. –  
559 с.

**ISBN 978-5-518-10654-3**

**ISBN 978-5-518-10654-3**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



## I.

Дня два уже тащился на сдаточныхъ знакомый намъ тарантасъ по тракту къ Москвѣ. Калиновичъ почти не подымалъ головы отъ подушки. Купецъ тоже молчалъ и, съ какимъ-то упорствомъ, смотрѣлъ въ даль; но что его тамъ занимало — Богу извѣстно. Въ Серповихъ, станцій за нѣсколько отъ Москвы, у нихъ очутилась, наконецъ, ямщикомъ баба, въ мужицкихъ только рукавицахъ и шапкѣ, чтобъ не очень ужъ признавали и забижали на дорогѣ. Купецъ замѣтилъ-было ей :

— Срамота, тётка, и ѣхать-то съ тобой; хоть бы къ ночи дѣло-то шло, такъ все бы, словно, поскладнѣе было.

— Не всё, батька, дѣло-то дѣлается ночью, важивала я вашу братью, и днемъ: не ты пер-

вый!.. возразилъ баба, и, благополучнѣйшимъ манеромъ, доставила ихъ на станцію, гдѣ встрѣтила ихъ толпа ямщиковъ.

— А, чортова перечница! опять въ извозъ пустилась! замѣтилъ одинъ изъ нихъ. — Хорошо ли она вамъ, господа, угождала? А то вѣдь мы сейчасъ съ нея спросимъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ сѣдокамъ.

— Ты поди дѣвкамъ-то своимъ угождай и спрашивай съ нихъ, а ужъ мушникъ тебѣ противъ меня не угодить! возразила баба и молодцавато соскочила съ передка.

Когда новыя лошади были заложены, на бѣсѣдку взлѣзъ длинновязый парень, съ серѣжкой въ ухѣ, въ кафтанѣ съ прорѣхами и въ валеныхъ сапогахъ, хотъ мѡкреть была страшная, парень изъ дворовыхъ, недавно-прогнанный съ почтовой станціи — значить, каторга лошадиная, и теперъ еще для большаго форса, — ѣздившій съ колокольчикомъ. Какъ подобралъ онъ возжи, такъ и началъ распоряжаться:

— Ну! крикнулъ онъ и вытянулъ всю тройку плетью.

Коренная вздумала-было схитрить и съла въ хомутъ.

— О, чортъ-дьяволъ! проговорилъ извощикъ и началъ ее хлестать, не переставая.

Лошадь, наконецъ, заскакала. Ему и это не понравилось.

— О, проклятая! заскакала! промычалъ онъ и передернулъ возжи, а самъ все продолжалъ хлестать.

Тарантасъ, то уходя въ рытвины, то выскакивая изъ нихъ, немилосердо трясъ; у Калиновича, какъ ни поглощенъ онъ былъ своими грустными мыслями, закололо, наконецъ, бока.

— Что жъ ты, сломя-голову, скачешь! проговорилъ онъ.

— Сердить я ъздить-то! отвѣчалъ извощикъ, потомъ, вскрикнувъ: «о, вислоухія!» неизвестно за что дернулъ возжу отъ лѣвой пристяжной, такъ-что та замотала отъ боли головой.

— Тише, говорятъ тебѣ! повторилъ Калиновичъ.

— Ничего! Сидите только, не разсыплю! возразилъ извощикъ и, опять крикнувъ: «ну, вислоухія!», повесся маршъ-маршъ.

Купца, несмотря на его тяжеловѣстность,

тоже притряхивало; но ему, кажется, это было ничего и даже нѣсколько-пріятно.

— Лошадь вѣдь тоже у нихъ все на ногу разбитая; коли онъ вначалѣ ее не разгорячитъ, такъ хуже на полдорогѣ станетъ! объяснилъ онъ Калиновичу.

— Не станетъ у меня! не такое мое сердце. Нынче въ лихорадкѣ лежалъ, такъ еще сердитѣе сталъ, отвѣтилъ на это ямщикъ, повертывая и показывая свое вплошь-желтое лицо и желтые бѣлки.

Такимъ-образомъ, часа черезъ два, станціи какъ не бывало. Въѣхавъ въ селеніе, извозчикъ на всемъ маху повернулъ къ избѣ, которая была побольше и понаряднѣй другихъ. Тамъ зашумаркали: пробѣжалъ мальчишка на другой конецъ деревни; въ окно выглянула баба; стоявшій у воротъ мужикъ, ямщицкій староста, снялъ шляпу и улыбался.

— Кто очереднѣй-то? спросилъ извозчикъ, слѣзая съ передка.

— Старикъ, отвѣчалъ староста.

— Наряжай, любезный, наряжай! нѣчего тутъ проклажаться! проговорилъ купецъ.

— Наряжено, хозяинъ, наряжено! ото-

звался староста и, обходя сзади тарантасъ, проговорилъ : « Московскій , знать... проходной, видно ».

— Проходной, до Москвы, отвѣчалъ извозчикъ. — Тётка Арина ! дай-ка огонька ! прибавилъ онъ глядѣвшей изъ окна бабѣ и, вынувъ изъ-за пазухи засаленный кисетишко и коротенькую трубчонку, набилъ ее махоркой.

Баба скрылась и черезъ минуту высунула изъ окна обѣ руки, придерживая въ нихъ горящій уголь , но не вытерпѣла и кинула его на землю.

— Ой, чтобы тѣ, и съ огнемъ-то твоимъ!.. Всѣ рученьки изожгла, проговорила она.

— Больно ужъ хлипка ! какъ на томъ-то свѣту станешь терпѣть ? сказалъ извозчикъ, поднимая уголь и закуривая трубку.

— Угорѣли же , паря ! говорилъ староста, осматривая тяжело-дышавшую тройку.

Извозчикъ, вмѣсто отвѣта, подошелъ къ лѣвой пристяжной , болѣе другихъ вспотѣвшей, и, проговоривъ : « ну, запыхалась, проклятая ! » схватилъ ее за морду, и непремѣнно заставилъ счихнуть, а потомъ , не выпуская трубки изо рта, сталъ откладывать.

— Что жь, любезный, скоро ли будетъ? аль не сегодня надо, а завтра? отнесся къ старостѣ купецъ.

— Коли хошь, такъ и завтра, отвѣчалъ съ полуулыбкой староста.

— А деньги не хошь завтра? возразилъ купецъ съ ожесточеніемъ.

— Пошто деньги завтра? Деньги надо сегодня, вмѣшался подошедшій въ это время мужикъ съ ребенкомъ на рукахъ.

— То-то, деньги сегодня! Деньги вы брать охочи, проговорилъ купецъ, сурово взглянувъ на него.

— Сейчасъ, хозяинъ, сейчасъ! Не торопись больно: смѣлешь, такъ опять прѣдешь, успокоивалъ староста, и «сейчасъ» этотъ начался съ того, что старуха-баба притащилá въ охабкѣ хомутъ и узду; потомъ мальчишка, лѣтъ пятнадцати, привелъ за чѣлку мышинаго цвѣта лошадейку. Оказалось, что эта должна была быть коренною. Надѣвъ на нее узду и хомутъ, онъ началъ, упершись колѣнками въ клещи и побагровѣвъ до ушей, натягивать супонь, но оборвался и полетѣлъ навзничъ.

— Разъ! Попало! Смотри, паря, камень-

то не ушиби! замѣтилъ ему, все еще стоявшій около, мужикъ съ ребенкомъ.

Парень окрысился.

— Поди ты къ дьяволу! Сталь тоже тутъ съ пострѣломъ-то своимъ! проговорилъ онъ и, плюнувъ на руки, опять принялся натягивать супонь.

Одна изъ пристяжныхъ пришла сама. Дворовый ямщикъ, какъ-бы сжалившись надъ ней, положилъ ее постромки на вальки и, ударивъ ее по спинѣ, чтобъ она ихъ вытянула, проговорилъ: «Ладно! идетъ!» У дальней избы, баба, принесшая хомутъ, подняла съ какимъ-то мужикомъ страшную брань за возжи. Другую пристяжную привелъ, наконецъ, самъ извозчикъ, сѣденькій, сгорбленный старикашка, и принялся ее припутывать. Между-тѣмъ, старый извозчикъ, въ-ожиданіи на водку, стоялъ уже безъ шапки и обратился сначала къ купцу.

— Мелкихъ, любезный, нѣтъ, отвѣчалъ тотъ, равнодушнѣйшимъ тономъ.

— И мелкихъ не стало! повторилъ извозчикъ, почесывая въ головѣ: — купечество тоже!.. шаромыжники! прибавилъ онъ, почти вслухъ, обходя тарантасъ, и обращаясь къ

Калиновичу. Тотъ бросилъ ему, съ досадой, гривенникъ. Вообще, вся эта сцена начала становиться невыносима для него; болѣе же всего возмущалъ его, своимъ неподвижнымъ, кирпичнаго цвѣта лицомъ и своей аляповатой фигурой купецъ. Ему казалось, что у этого болвапа ничего не было въ душѣ такого, что мѣшало бы ему жить на свѣтѣ спокойно и копить деньгу. За десять цѣлковыхъ онъ готовъ, вѣроятно, бросить десять любовницъ, и ужь, конечно, скорѣй осинѣ, чѣмъ ему, можно растолковать, что въ этомъ случаѣ человѣкъ долженъ страдать. « Сколько есть жизненныхъ случаевъ » думалъ Калиновичъ, « черезъ которые простой человѣкъ перешагиваетъ, какъ черезъ соломенку, тогда—какъ мы, благодаря нашему развитію, нашей рефлексіи, беремъ ихъ точно крѣпость. Тонкія наслажденія, говорятъ, намъ даны; но, Боже мой! кто бы за эту тонину согласился платить тѣми, черезчуръ ужь, не тонкими страданіями, которыя гложутъ теперь мое сердце! » На послѣдней мысли онъ крикнулъ сердито :

— Скорѣй вы, скоты !

— Сейчасъ, батюшка , сейчасъ ! отозвался

старикашка-извощикъ, взмачиваясь, наконецъ, на козлы.

— О-о-о-ой, старуха! продолжалъ онъ : — подь-ка сюда, подай на передокъ мѣшокъ съ овсомъ , а то , ишь , рожонъ какой жесткій, хошь и кожей обтянуть.

Старуха подала.

— Ты, старецъ любезный, и живой-то не доѣдешь; послалъ бы парня, замѣтилъ купецъ.

— О-о-ой, ничего !.. со Христомъ да съ Богомъ доѣдемъ.

— Еще какъ важно старикъ-то отожжетъ!.. Трогай , дѣдушка ! подхватилъ староста.

Старикъ тронулъ. Сама пришедшая пристяжная обнаружила сильное желаніе завернуть къ своему двору, въ предупрежденіе чего , мальчишка взялъ ее за узды и , колотя въ бокъ кулакомъ, повелъ. Стоявшіе по срединѣ улицы, мужики стали подсмѣивать.

— Выводи, выводи жеребца-то ! ишь какъ онъ голову-то гнѣтъ ! сказалъ между ними мужикъ съ ребенкомъ , а прочіе захохотали. Калиновичу сдѣлалось еще досаднѣе.

« И этимъ , дурачье , могутъ веселиться ! » подумалъ онъ съ завистью.

Выбравшись за деревню, старикашка пустил лошадей маленькой рысцей. Въ противоположность прежнему извозчику, онъ оказался предобродушный и тотчасъ же принялся разсуждать самъ съ собой. « Ну-ка, паря, возжей пожалѣль! Да, мошенникъ, говорю я: я тебя лошадкой, живой тварью, ссужаль, а ты, нѣ-ка, веревки жадничаешь. Не удавлюсь на твоємъ мочалѣ, дуракъ! Сусѣдъ еще!» Проговоря это, старикъ остановился, на нѣкоторое время, въ раздумьи, какъ-бы все-еще разсуждая о жадности сосѣда, а потомъ вдругъ обратился къ сѣдокамъ и присовокупилъ:

— Плуть, батюшки, господа честные, у насъ по деревнѣ народъ!

— Плуть?.. отозвался купецъ.

— Плуть!.. И какой же, то-есть, плуть нѣ плуть, воръ нѣ воръ. Я-то, вишь, смирной, не озорникъ, и нѣтъ мнѣ отъ нихъ счастья. На-ка, возжей пожалѣль!.. да что я, съ кашей, что ли, ихъ съѣмъ: какія были, такія и ворочу, песь!

Пока старикъ бормоталъ это, они въѣхали въ двадцативерстный лѣсъ. Дорога пошла сильно-песчаная. Едва вытаскивая ноги, тащили